

СУРОК

Утром, когда черепаха Кири-Бум пробиралась к березе, у Ванина колодца она повстречала Сурка. Он пил из лужицы воду. Черепаха оглядела его, сказала:

– Я тебя раньше вроде у нас не видела.

– А я никогда раньше у вас не был. Только что появился. Хочу у вас на Маньяшином кургане поселиться. Можно?

– Это Потапыч решит. Он у нас хозяин рощи. А ты чей?

Сурок рассказал о себе. Выслушала его Кири-Бум и махнула лапкой.

– Иди за мной.

Она привела Сурка к березе и взобралась на пенек. Все уже ждали ее. Черепаха подперла кулачком щеку и начала:

– Сейчас расскажу я вам свою новую сказку. Погоди Ду-Дук, не записывай. Сперва послушайте, а потом уж решим – записывать ее или нет. Сказка-то новая.

И она повела рассказ:

«Поймали ребяташки Сурка в степи и принесли в школу, в живой уголок, но он у них убежал ночью. Выбрался за село и стал соображать: в какую сторону идти ему, где искать нору свою. Место было незнакомое, совсем чужое.

Поднял Сурок глаза к небу, попробовал по звездам определить путь свой. Но никогда раньше не наблюдал Сурок за звездами, и потому сегодня ничего они ему не сказали.

До рассвета просидел Сурок у села, но так и не смог определить, куда идти ему. А когда всходило солнце, решил:

– Пойду к нему, оно мне поможет.

Так рассудил Сурок: придет он к солнцу и скажет: – Солнышко, ты по целым дням в небе. Ты выше всех и все видишь. Скажи, где находится тот курган, на котором по утрам я люблю сидеть и посвистывать?

Вытянет солнышко луч и покажет, куда бежать надо. И будет потом Сурок на кургане у себя рассказывать, как был он в гостях у солнца и как помогло оно ему домой дорогу найти.

Но попасть к солнцу оказалось не так-то легко: утром оно на востоке, в обед – на юге, а вечером – на западе. Бегал, бегал за ним Сурок, совсем запугался. Понял: и к солнцу ему не попасть, и домой не выбраться.

– Что ж, – сказал Сурок, – буду здесь прибиваться к кому-то. Не жить же одному.

Была ночь. Собиралась гроза. Сурок обежал пустырь, на котором застигла его непогода, но, кроме домика Хомяка, ничего не нашел на нем. Ну что ж, и Хомяк тоже живая душа, пригрет.

И верно, пригрел Хомяк. Впустил к себе Сурка, расспрашивать начал: откуда идет он и куда путь держит. Услышал, что заблудился тот, посочувствовал:

– Один, значит, на земле остался. Это плохо, одному, говорю, плохо быть: поругаться и то не с кем. По себе знаю. Я на этом пустыре уже третий год один живу. Плохо.

И загорелись вдруг остренькие глазки Хомяка, и сам он весь посветлел как-то. Предложил:

– Послушай, ты – бобыль, я – бобыль. Давай вместе жить. Вдвоем легче век коротать. Больно я о товарище натосковался.

– Я согласен, – сказал Сурок. – Мне теперь где ни

жить, лишь бы не одному, лишь бы с кем-нибудь поблизости.

И, умаживаясь на сухонькой соломке, спросил:

– А ты как на этом пустыре оказался? Или всегда жил здесь?

– Что ты! Я на кургане у Гореловской рощи жил, да с соседями не поладил. У меня, знаешь, натура широкая. Я люблю жить так, как я хочу, а им это не понравилось. Учить меня начали. Я и перебрался от них на этот пустырь. И тихонько засмеялся, захрюкал будто, весь подергиваясь:

– Когда я уходил, пугали они меня, соседусики мои. От тоски, говорят, помрешь. А вот и не помру теперь. Ты у меня есть. Одному и в самом деле плохо. Я уж даже подумывать начал, не податься ли к своим, но теперь ты у меня есть, и я никуда не пойду. Мне здесь хорошо: делаю, что хочу, и никто не перечит.

«Так вот ты какой, – подумал Сурок, – ты хочешь жить так, чтобы только тебе удобно было, и меня к себе для забавы берешь. Нет уж, отделился ото всех, так и живи один».

Снаружи уже гроза гремела, лил дождь. В норе у Хомяка было тепло и сухо, но поднялся Сурок и пошел к выходу.

– Пойду, – говорит, – я думал, ты из доброты пустил меня на ночь, а ты вовсе и не обо мне, о себе думал. Себялюб ты, и я с тобой даже одним воздухом у тебя в норе дышать не хочу, – и, вобрав голову в плечи, нырнул под холодный ливень.

Мокрый сидел Сурок посреди пустыря. Когда вспыхивала молния, зажмуривался от страха и, замирая, ждал грома. По спине его барабанил дождь. Дождь тек по щекам и груди. Высунувшись из норы, Хомяк кричал:

– Иди ко мне. Что ты мокнешь зря?

Но говорил самому себе Сурок: «Пусть будет страшно мне, пусть будет мокро мне, зато никто никогда не скажет, что я провел ночь в одной норе с тем, кто ушел от товарищей, кто любит только себя». Утром, когда утих дождь и взошло солнце, Сурок увидел у горизонта рощу и курган возле нее. Догадался: это и есть Гореловская роща и это тот самый курган, на котором живут товарищи Хомяка.

– Пойду к ним, с ними жить буду, – сказал Сурок и, встряхнувшись, побежал к роще».

– И вот он перед нами, – закончила Кири-Бум свою сказку. – Я встретила его у Ванина колодца и привела сюда. Он просит разрешить ему поселиться у нас на Маньяшином кургане. Что ты скажешь на это, Потапыч? Потапыч сдвинул брови. Сурок стоял перед ним навьтяжку желтеньким пенечком. Вокруг шумели:

– Разреши ему, Потапыч. Он хороший.

И Потапыч махнул лапой:

– Живи.

– Ну вот, одним жильцом у нас в роще стало больше, – сказала черепаха. – А теперь давайте решим, записывать о нем сказку или нет.

– Как же не записывать, – басил медведь Михайло. – Раз он теперь наш, то и на березе для него должно найтись место.

Не о Сурке заботился медведь Михайло. Знал он: чем больше на березе будет выбито сказок о других, тем меньше на ней останется места для сказки о нем, а может, и вовсе не останется. Потому и басил медведь:

– Обязательно записать надо.